

IV. Документы

Ростислав Красюков

Предисловие к публикации в журнале «Форум» отрывков из воспоминаний В.В.Шульгина

«Эмиграция»

Судьба литературного наследия Василия Шульгина (1878–1976) по-своему драматична и может явиться сюжетом своеобразной детективной истории.

В основном все, что он создал на чужбине, в том числе мемуары о Первой мировой войне, хранилось в Русском Доме в Белграде, который был центральным архивохранилищем русской эмиграции в Югославии. В ноябре 1944 года, после освобождения города от немецких войск, весь архив Русского Дома был вывезен в СССР. Тогда же, в декабре, был арестован и Василий Шульгин в г. Сремски Карловцы, препровожден в Москву и заключен на период следствия во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. Как один из бывших лидеров Белого движения он был осужден в 1947 году на 25 лет за контрреволюционную деятельность и заключен во Владимирскую тюрьму (180 км восточнее Москвы).

Во время заключения (1947–1956гг.) он вновь начал создавать свой литературный архив, который разделил судьбу первого после амнистии автора Н.Хрущевым.

Воспоминания Василия Шульгина под названием «Интервенция» хранились отдельно на квартире у его соратника по Белому движению генерала Алексея фон Лампе и сгорели во время одной из бомбардировок Берлина вместе с другими архивами, о чем А. фон Лампе оповестил всех заинтересованных лиц через одну из газет.

Впоследствии, проживая «на поселении» в г.Владимире, В.Шульгин начал создавать третий архив. Одну его часть, в основном воспоминания о детских и юношеских годах, он пытался сдать в РГАЛИ (Москва), однако она почему-то не подошла этому архиву, и ее там приняли лишь на временное хранение. По-видимому, из жалости к старому и немощному человеку, который был просто не в силах везти этот груз обратно домой.

Другую часть своего архива этого периода («некоторые мои литературные произведения в виде рукописей и кое-какие документы») он попросил меня «принять к себе на хранение» в конце сентября 1968 года. Чтобы понять причину такого решения Василия Шульгина, необходимо рассказать предысторию этого события. Я познакомился с ним в феврале 1967 года по рекомендации А.Кучумова, бывшего в те годы главным хранителем Павловского дворца-музея под Ленинградом. Последний участвовал в качестве консультанта в создании кинофильма «Перед судом истории»¹ по части воссоздания внутреннего убранства салона-вагона, в котором происходило отречение царя Николая II (В.Шульгин присутствовал во время акта отречения). Во время съемок они познакомились и изредка переписывались. Кинофильм произвел на меня большое впечатление, и я, как и многие в те годы, хотел познакомиться с Василием Шульгиным. А.Кучумов, узнав о моем желании, рекомендовал меня ему. Так вскоре и состоялось наше знакомство.

Нельзя сказать, что в то время Василий Шульгин был обделен вниманием. Вокруг него всегда было много людей. Одни поддерживали с ним длительные дружеские отношения, регулярно навещая его и приглашая пожить к себе в гости. Другие удовлетворяли свое любопытство одним посещением «Деда», как многие называли его за глаза. И со всеми он был равно любезен и дружелюбен. Ко времени нашего знакомства его жизнь сопровождалась трагическим для него процессом потери зрения: это означало конец его творческой деятельности. Сознвая тяжесть его положения и значение для него работы, я предложил ему свои услуги в качестве секретаря. Я был искренен. По-видимому, это и покорило его.

Летом 1968 года Василий Шульгин потерял жену и остался совершенно одиноким. Поэтому, когда я приехал к нему осенью того же года, он уже связал свою будущую работу со мною, и это определило судьбу той части архива, которая находилась у него. Однако и ее постигла незавидная участь. После того, как я доставил ее в Ленинград, обстоятельства сложились так, что я вынужден был с нею расстаться. Меня пригласил к себе представитель спецслужб при моем институте и поинтересовался, правда ли, что я привез архив Василия Шульгина. Я ответил утвердительно. «А что вы собираетесь с ним делать?» – последовал вопрос. Обычно я теряюсь в таких ситуациях, но тут, вдруг, нашелся и ответил как само собою разумеющееся: «Чтобы сдать в архив». Мое намерение было одобрено и мне было предложено сдать бумаги в ЦГИА (нынешний РГИА).²

Когда я приехал в ЦГИА, меня провели к его тогдашнему директору Игорю Фирсову. По всему было видно, что он был предупрежден о моем приезде и ожидал меня. Я наивно полагал, что будет создана комиссия по приему архива, кото-

¹ «Перед судом истории» (1965г.) – историко-документальный кинофильм (режиссер – Ф.М.Эрмлер), построенный как развернутое интервью с В.В.Шульгиным.

² Центральный Государственный исторический архив (с 1992 года Российский Государственный исторический архив, г.Санкт-Петербург).

рая станет разбирать и описывать бумаги. Но все оказалось гораздо проще. И.Фирсов пригласил секретаршу и стал диктовать ей текст о приеме бумаг. Когда он дошел до слов «общим весом...», то взял опоясанный веревками пакет в руку, встряхнул его слегка и сказал: «Двадцать килограмм».

Впоследствии я выяснил, что никаких следов этой части архива в ЦГИА не сохранилось. Много лет спустя, в начале девяностых годов, я увидел, как по телевизору показывали бумаги Василия Шульгина, переданные КГБ одному из московских архивов. Показ длился минуту-две, не более, но по форме блокнотов и тетрадей мне показалось, что это была как раз та часть архива.

Итак, все нужно было начинать с нуля. В четвертый раз Василий Шульгин начал создавать свои мемуары в 1970 году. Он приехал ко мне в Ленинград в середине мая с уже готовыми замыслами и сразу же приступил к работе. Я тоже готовился к встрече и предложил ему начать работу над воспоминаниями с момента ареста его в Югославии в декабре 1944 года. Меня наиболее интересовал период его пребывания в советской тюрьме. Но «Дед» был непреклонен, в первую очередь он хотел работать над воспоминаниями о Гражданской войне. Диктуя мне за два года до этого «Программу “великих” дел на грядущее десятилетие», первым пунктом он поставил «Интервенцию 1919 года», которую «надо восстановить по памяти». Ко времени начала нашей работы он решил расширить рамки темы, не ограничивая ее лишь событиями на юге Украины в 1919 году. Решено было заполнить хронологический разрыв между ранее написанными и опубликованными мемуарными книгами – «Днями», заканчивавшимися Февральской революцией 1917 года и отречением царя Николая II, и «1920 годом», исходом Белого движения на Юге России. За период с середины мая до начала июля 1970 года были продиктованы воспоминания о Гражданской войне, получившие название «1917–1919» (опубликованы в 1994 году на русском языке в 5-м номере биографического альманаха «Лица»).

Несмотря на то, что днем я был занят на службе, работа вечерами с Василием Шульгиным не была в тягость. Записи сопровождалась поисками необходимой литературы для справок в Публичной библиотеке. Меня всегда в истории привлекала связь времен, и Василий Шульгин был этой живой связью. Он рассказывал о прошедших событиях не с чьих-то слов, а как их непосредственный участник.

Сейчас я не ставлю задачей рассказать о нескольких годах нашей совместной работы. Хочу только, чтобы читатель представлял, *какой* Василий Шульгин написал эти воспоминания. Работать с ним было очень интересно. Его память цепко держала последовательность событий и имена лиц, участвовавших в них, как будто это произошло не полвека назад, а всего лишь вчера. Кроме того, Василий Шульгин был неисчерпаемым рассказчиком всевозможных житейских историй, случаев и анекдотов. Не было обеда, чаепития, прогулки или перерыва в работе, которые обошлись бы без этих рассказов, причем он никогда не повторялся. Я старался записывать сначала по памяти. Так родился цикл воспоминаний о се-

мье, Киеве, газете «Киевлянин», который вскоре был «узаконен» и так же, как и все остальное, продиктован.

Второй раз Василий Шульгин гостил у меня летом 1972 года. Ежегодно во время своего отпуска я приезжал к нему во Владимир на семь-десять дней. За эти годы, кроме воспоминаний о Гражданской войне, он продиктовал мне воспоминания об аресте и годах, проведенных на Лубянке и во Владимирском центре, получившие название «Пятна» (опубликованы в 1996 году в 7-м номере биографического альманаха «Лица»), затем – эмиграцию, самую большую свою работу, которая должна была закончиться его арестом. К сожалению, она была доведена лишь до конца тридцатых годов. Отрывки из нее и предлагаются вниманию читателей журнала «Форум».

В заключение хочу принести свою благодарность А.В.Банковской, Р.Р. Гафиллину, Б.И.Колоницкому и В.М.Лупановой, оказавших большую помощь при подготовке биографических справок.